

*С любовью к моим дочкам Беттине и Алисон,
которые стали таким милым наваждением
в моей жизни*

18 ДЕКАБРЯ 1970 г.

15 ч 17 мин

В то утро с пяти часов вовсю лил дождь. «Погодка вполне соответствует», — подумал доктор Барретт и не сдержал улыбки. Он ощущал себя персонажем одного из современных готических романов. Тут тебе и проливной дождь, и холод, и двухчасовая поездка в длинном, с кожаной обивкой внутри лимузине, что послал за ним Дойч. А потом бесконечное ожидание в коридоре, пока какие-то мужчины и женщины, время от времени поглядывая на него, торопливо сновали в спальню Дойча и обратно.

Доктор Барретт достал из кармана куртки часы и открыл крышку. Он просидел здесь уже больше часа. Что нужно от него Дойчу? Наверняка это будет связано с парапсихологией. Во множестве газет и журналов, финансируемых стариком, вечно печатаются статейки на подобные темы: «Возвращение из могилы», «Девочка, которая никогда не умрет» — неизменно сенсационно, но редко основано на реальных фактах.

Сморщившись от усилия, доктор Барретт положил правую ногу на левую. Это был высокий грузноватый мужчина в середине шестого десятка, его редкие светлые волосы сохранили свой цвет, хотя в подстриженной бороде проглядывала седина. Он выпрямился на стуле с высокой спинкой и взгля-

нул на дверь в спальню Дойча. Эдит внизу, наверное, уже беспокоится. Барретт жалел, что взял ее с собой. Но кто мог знать, что это займет столько времени.

Дверь спальни Дойча отворилась, и вышел его секретарь Хэнли.

— Доктор, — пригласил он.

Барретт потянулся за тростью и встал. Проковыляв через прихожую, он встал перед невысоким секретарем и подождал, пока тот заглянул в дверь и объявил:

— Доктор Барретт, сэр.

Барретт протиснулся мимо Хэнли и вошел, секретарь закрыл за ним дверь.

Обшита темными панелями спальня казалась необъятной. «Святылище монарха», — подумал Барретт, двигаясь по ковру. Остановившись у массивной кровати, он посмотрел на сидящего в постели старика. Семидесятивосьмилетний Ролф Рудольф Дойч был лыс и скелетообразен, с пронзительным взглядом глубоко запавших темных глаз. Барретт улыбнулся.

— Добрый день, — вежливо произнес он, в который раз удивляясь тому, что такая развалина правит целой империей.

— Вы хромой, — просипел Дойч. — Мне не сказали об этом.

— Что, простите? — насторожился Барретт.

— Ладно, — оборвал его Дойч. — Полагаю, это не имеет решающего значения. Мои люди рекомендовали вас. Говорят, вы входите в пятерку лучших в своей области. — Он тяжело вздохнул. — Ваш гонорар составит сто тысяч долларов.

Барретт вздрогнул.

— Вам следует установить факты.

— Относительно чего? — спросил Барретт.

Дойч поколебался, прежде чем ответить, словно считая это ниже своего достоинства, но в конце концов сказал:

— Относительно загробной жизни.

— Вы хотите, чтобы я...

— ...чтобы вы сказали мне, соответствует это действительности или нет.

У Барретта упало сердце. Такая сумма способна преобразить для него весь мир, но все же как быть с совестью?

— Мне не нужна ложь, — продолжал Дойч. — Я покупаю любой ответ. Но правдивый и точный.

Барретт ощутил прилив отчаяния.

— Но как я смогу убедить вас в точности того или иного ответа? — вырвалось у него.

— Если предоставите мне *факты*, — раздраженно ответил Дойч.

— Где я их найду? Я физик. За двадцать лет изучения парапсихологии я так и не...

— Если они существуют, — перебил его Дойч, — вы найдете их в единственном известном мне на земле месте, где можно подтвердить или опровергнуть концепцию загробной жизни. В доме Беласко в Мэне.

— В Адском доме?

В глазах старика что-то блеснуло.

— В Адском доме, — подтвердил он.

Барретт затрепетал от возбуждения:

— Мне казалось, после того, что случилось, наследники Беласко опечатали его...

— Это было тридцать лет назад, — снова перебил его Дойч. — А теперь им понадобились деньги, и это место купил я. Вы можете быть там к понедельнику?

Барретт поколебался, но, увидев, что Дойч собирается нахмуриться, кивнул:

— Да.

Такой шанс упустить нельзя.

— С вами будут еще двое, — сказал Дойч.

— Могу я спросить кто?..

— Флоренс Таннер и Бенджамин Франклин Фишер.

Барретт постарался скрыть разочарование. Чрезмерно эмоциональная спирит-медиум и единственный выживший после катастрофы 1940 года. Он с трудом удержался от возражений. У него есть своя группа экстрасенсов, и вообще непонятно, как Флоренс Таннер или Фишер могут быть полезны в предстоящем деле. Фишер в детстве проявлял невероятные способности, но потом, после катастрофы, явно утратил свой дар, неоднократно попадался на мошенничестве и в конце концов совсем исчез из виду. Барретт вполуха слушал слова Дойча о том, что Флоренс Таннер полетит на север вместе с ним, а Фишер встретит их обоих в Мэне.

Старик заметил выражение его лица:

— Не беспокойтесь, руководить будете вы. Таннер едет туда лишь потому, что мои люди считают ее первоклассным медиумом...

— Но лишь ментальным медиумом, — вставил Барретт.

— ...а я хочу использовать и этот подход, так же как и ваш, — продолжил Дойч, словно Барретт ничего не говорил. — Смысл присутствия Фишера очевиден.

Барретт кивнул. Ничего не поделаешь. Но когда проект будет запущен, придется привезти кого-то из своих людей.

— Касательно расходов... — начал он.

Старик отмахнулся:

— Оставим это, Барретт. В средствах вас никто не ограничивает.

— А время?

— А вот времени у вас почти нет. Ответ нужен мне через неделю.

Барретт побледнел.

— Соглашайтесь или не беритесь! — рявкнул старик, и в его голосе слышалась неприкрытая ярость.

Барретт понял, что нужно соглашаться, или он потеряет такую возможность — а *шанс* был, если он вовремя построит свой аппарат.

Он кивнул:

— Хорошо, через неделю.

15 ч 50 мин

— Что-то еще? — спросил Хэнли.

Барретт в уме еще раз пробежался по всем пунктам. Перечень всех необыкновенных явлений, зафиксированных в доме Беласко. Восстановление системы электроснабжения. Установка телефона. Плавательный бассейн и парилка. Он проигнорировал легкое недовольство на лице секретаря при упоминании четвертого пункта. Ежедневное плавание и парилка ему необходимы.

— Еще, — сказал он, стараясь говорить неприужденно, но понял, что выдал свое возбуждение. —

Мне нужно соорудить специальный прибор. У меня в номере есть схема.

— Как скоро он вам понадобится? — спросил Хэнли.

— Чем скорее он будет закончен, тем лучше.

— Он большой?

«Двенадцать лет», — подумал Барретт и сказал:

— Довольно большой.

— И все?

— Все, что я могу придумать в данный момент. Конечно, я не упомянул условий проживания.

— Для вас будет отремонтировано просторное помещение. Готовить и доставлять пиццу будет одна пара из Карибу-Фолс. — Хэнли как будто сдержал улыбку. — Они отказываются почевать в этом доме.

Барретт встал:

— Что ж, оно и к лучшему. Они бы только мешали.

Хэнли проводил его до двери в библиотеку, но не успели они подойти, как дверь распахнул тучный человек и уставился на Барретта. Хотя и был лет на сорок младше и фунтов на сто тяжелее, Уильям Рейнхарт Дойч имел несомненное сходство с отцом.

— Предупреждаю сразу, — проговорил Уильям Дойч, захлопнув дверь, — я собираюсь воспрепятствовать этой затее.

Барретт уставился на него.

— Я серьезно, — сказал Дойч. — Это же пустая трата времени, верно? Заявите это письменно, и я тут же выпишу вам чек на тысячу долларов.

Барретт напрягся:

— Боюсь, что...

— Ведь ничего сверхъестественного не существует, верно?

У Дойча побагровела шея.

— Совершенно верно, — ответил Барретт, и на лице его собеседника появилась торжествующая улыбка. — Правильнее говорить «выходящего за границы нормального». Естественное не может быть чрезмерным...

— Какая, к черту, разница! — прервал его Дойч. — Все равно все это суеверия!

— Мне очень жаль, но это не так, — возразил Барретт. — А теперь, если позволите...

Дойч схватил его за руку:

— Берегитесь, вам лучше бросить это дело. Все равно вы никогда не получите этих денег...

Барретт высвободил руку:

— Делайте что хотите. Я буду этим заниматься, пока ваш отец не даст приказа остановиться.

Он закрыл дверь и пошел по коридору. «То немногое, что известно науке на сегодня, — мысленно ответил он Дойчу, — вполне доказывает, что всякий, считающий парапсихические феномены суевериями, просто не сознает, что происходит в мире. Не счесть научных документов, которые...»

Он остановился и прислонился к стене. Снова разболелась нога. Впервые он позволил себе признать, насколько трудным это может оказаться — провести неделю в доме Беласко.

А что, если ситуация там действительно так плоха, как утверждали два отчета?

16 ч 37 мин

«Роллс-ройс» мчался по шоссе к Манхэттену.

— Это же страшная куча денег!

Эдит все не могла поверить.

— Не для него, — ответил Барретт. — Особенно если считаешь, что платишь за гарантированное бессмертие.

— Но он должен знать, что ты не веришь...

— Уверен: знает, — перебил ее Барретт. Ему не хотелось думать, что, возможно, Дойчу не сказали. — Он не из тех, кто берется за что-то, не получив полной информации.

— Но сто тысяч долларов!

Барретт улыбнулся:

— Мне и самому не поверилось. Будь я похож на свою мать, я бы, несомненно, счел это Божьим чудом. В жизни я не смог добиться двух вещей, и они связаны между собой — доказать мою теорию и обеспечить нашу старость. Поистине я не мог просить большего!

Эдит улыбнулась в ответ:

— Рада за тебя, Лайонел.

— Спасибо, дорогая.

Он потрепал ее по руке.

— К вечеру понедельника, — снова забеспокоилась Эдит. — У нас не так уж много времени.

— Мне кажется, что лучше поехать туда одному.

Она уставилась на него.

— Ну, конечно, я буду не один, — объяснил Барретт. — Будут еще двое.

— А как ты будешь там питаться?

— Все предусмотрено. Мне придется лишь работать.

— Но ведь я всегда тебе помогала.

— Знаю. Дело не в том...

— А в чем?

Он замялся:

— Может быть, на этот раз тебе лучше не быть рядом, вот и все.

— Почему, Лайонел? — Барретт не ответил, и она тревожно взглянула на него. — Дело во мне?

— Разумеется, нет. — Он смущенно улыбнулся. — Все дело в этом доме.

— Разве это не еще один так называемый дом с привидениями? — спросила она, используя его же слова.

— Боюсь, что нет, — признал он. — Можно сказать, это Эверест среди домов с привидениями. Было две попытки исследовать его — в тысяча девятьсот тридцать первом году, а потом в сороковом. Обе закончились несчастьем. Восемь участников или были убиты, или сами покончили с собой, или сошли с ума. Выжил лишь один, и не знаю, насколько уцелел его рассудок. Это Бенджамин Фишер — один из тех двоих, что будут работать со мной.

В общем-то, я боюсь не этого, — продолжил Барретт, попытавшись смягчить свои слова. — Я уверен в своих знаниях. Просто некоторые детали исследования могут оказаться, — он пожал плечами, — не слишком приятными.

— И при этом ты хочешь, чтобы я отпустила тебя одного?

— Дорогая...

— А что, если с тобой что-то случится?

— Ничего не случится.

— А если? Со мной в Нью-Йорке, а с тобой в Мэне?

— Эдит, ничего не случится.

— Тогда нет причин, почему бы мне не поехать. — Она попыталась улыбнуться. — Я не боюсь, Лайонел.

— Знаю.

— Я не буду тебе мешать.

Барретт вздохнул.

— Знаю, что я многого не понимаю в твоей работе, но всегда могу чем-то помочь. Упаковывать и распаковывать твое оборудование, например. Помогать ставить эксперименты. Допечатать твою рукопись — ты говорил, что хочешь закончить ее к началу года. И мне хочется быть с тобой, когда ты докажешь свою теорию.

Барретт кивнул:

— Позволь мне подумать.

— Я не буду мешать, — пообещала она. — И я знаю, что во многом могу помочь.

Он снова кивнул, пытаясь все обдумать. Ясно, она не хочет оставаться. Это похвально. Если не считать трех недель в Лондоне в 1962 году, они после женитьбы никогда не разлучались. Действительно, ведь никому не будет хуже оттого, что он возьмет ее с собой. На своем веку она достаточно встречалась с парапсихическими явлениями, чтобы привыкнуть к ним.

И все же было абсолютно неизвестно, что ждет их в этом доме. И Адским домом его прозвали совсем не случайно: там присутствовали какие-то силы, в результате действия которых физически или умственно оказались уничтожены восемь человек, причем трое из них, как и он, были учеными.

И если даже он не сомневается в собственной компетентности и знании природы этой силы, неужели он решится подвергнуть ее действию Эдит?

20 ДЕКАБРЯ 1970 г.

22 ч 39 мин

Флоренс Таннер пересекла двор, отделявший ее небольшой домик от церкви, и вышла по переулку на улицу. Встав на тротуаре, она полюбовалась церковным зданием. Это был всего лишь перестроенный склад, но для нее в последние шесть лет церковь стала всем. Взглянув на надпись на свежевыкрашенном окне: «Храм душевной гармонии», Флоренс улыбнулась. Вот уж действительно. Эти шесть лет были самыми душевно гармоничными в ее жизни.

Она подошла к двери, повернула ключ в замке и вошла внутрь. Ее встретила приятная теплота. Ощувив привычный трепет, Флоренс включила стенную лампу в вестибюле, и взгляд, как всякий раз, тут же упал на доску объявлений.

«Воскресное богослужение — 11:00, 20:00.

Исцеления и пророчества — по вторникам в 19:45.

Лекции и духовные наставления — по средам в 19:45.

Послания и откровения — по четвергам в 19:45.

Святое общение — первое воскресенье месяца».

Обернувшись, она посмотрела на фотографию на стене и напечатанные над ней слова: «Преподобная Флоренс Таннер». На несколько мгновений она

ощутила удовольствие от осознания собственной красоты. Никто не дал бы ей сорока трех, в длинных рыжих волосах ни намек на седину, высокая статная фигура почти так же стройна, как на третьем десятке. Она с улыбкой упрекнула себя: «Суета сует».

Флоренс прошла по застеленному ковром проходу между рядами и, поднявшись на помост, встала в привычной позе за кафедрой. Перед ней открылись ряды кресел с возвышением для пения псалмов в каждом третьем, и, взглянув на паству перед собой, она прошептала: «Дорогие мои».

Она говорила с ними на утренней и вечерней службе. Говорила им о своей необходимости на следующей неделе побыть вдали от них. Говорила об ответе на их молитвы — о предстоящем строительстве новой, настоящей церкви, которая станет их собственностью, и обо всей значительности этого события. И просила молиться за нее, когда она будет вдали.

Флоренс вцепилась в кафедру и закрыла глаза. Ее губы слегка шевелились, она молила Бога дать ей сил, чтобы очистить дом Беласко. История этого дома была жуткой, полной смертей, самоубийств и сумасшествия. Он был страшнейшим образом осквернен, и она молилась, чтобы положить конец висящему над ним проклятию.

Закончив молитву, Флоренс подняла голову и обвела взглядом церковь. Она любила ее всей душой. И все же, чтобы построить настоящую церковь для своей паствы, нужно иметь истинный дар небес. А к Рождеству... Она улыбнулась, а в глазах блеснули слезы.

Бог милостив.

Эдит закончила чистить зубы и посмотрела на себя в зеркало — на коротко остриженные золотисто-каштановые волосы, сильные, почти мужские черты. На лице читалась тревога. Обеспокоенная этим, она выключила свет в ванной и вернулась в спальню.

Лайонел спал. Эдит села на кровать и посмотрела на него, прислушиваясь к его тяжелому дыханию. «Бедняжка, — подумала она. — У него было столько работы». К десяти часам он совсем изнемог, и она заставила его лечь.

Эдит легла сбоку и продолжила смотреть на мужа. Никогда раньше она не видела его таким озабоченным. Лайонел взял с нее обещание, что она не отойдет от него ни на шаг, когда они прибудут в дом Беласко. Неужели там так опасно? Она бывала с ним в других домах с привидениями и никогда не боялась. Он всегда был спокоен и уверен; рядом с ним не приходило в голову чего-то бояться.

Да, дом Беласко настолько тревожил Лайонела, что он настаивал, чтобы она не отходила от него ни на шаг. Эдит поежилась. Неужели ее присутствие мешает ему? Неужели забота о ней потребует столько его и так не безграничных сил, что это отразится на работе? Она не хотела этого, зная, как много для него значит его работа.

И все же она должна ехать. И вынесет все, лишь бы не быть одной. Она не говорила Лайонелу, как близка была к психологическому срыву в те три недели 1962 года, когда он уехал. Это бы только расстроило его, а для выполняемой работы ему требовалась полная сосредоточенность. И потому она глагла по телефону и прикидывалась веселой в те три

раза, когда он звонил, а потом, в одиночестве, плакала и вся тряслась, принимала транквилизаторы, не могла спать и есть, потеряла в весе тринадцать фунтов и боролась с навязчивым желанием разом покончить со всеми переживаниями. Наконец, встретив его в аэропорту, бледная и улыбающаяся, она сказала, что переболела гриппом.

Эдит закрыла глаза и вытянула ноги. Она не перенесет этого снова. Самый страшный в мире дом с привидениями пугал ее меньше, чем одиночество.

23 ч 41 мин

Он не мог уснуть. Фишер открыл глаза и оглядел кабину личного самолета Дойча. «Странно сидеть в кресле в самолете», — подумалось ему. Вообще, странно сидеть в самолете. Никогда в жизни он не летал.

Фишер потянулся к кофейнику и налил себе еще чашку. Он потер глаза и выбрал один из журналов, лежавших на кофейном столике перед ним. Журнал оказался из тех, что издавал Дойч. «Ну да, как же иначе?» — усмехнулся он.

Вскоре его взгляд затуманился, и буквы перед глазами стали сливаться. «Вот я и возвращаюсь», — подумал Фишер. Единственный из девяти выбрался оттуда живым, и вот — возвращается за продолжением.

В то сентябрьское утро 1940 года его нашли лежащим на крыльце дома. Голый, он свернулся в клубок, как эмбрион, и, весь дрожа, смотрел в пустоту. Когда его положили на носилки, он начал кричать и блевать кровью, все мышцы свело напряжением,